

УДК 929

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-112-116

МОИ УЧИТЕЛЯ И МОНГОЛИЯ

© **Е.И. Лиштованный**

Статья посвящена В.В. Свинину и Б.С. Санжиеву – известным сибирским ученым, внесшим большой вклад в развитие науки, в формирование кадров исследователей-монголоведов.

Ключевые слова: В.В. Свинин, Б.С. Санжиев, студенческая практика, Монголия, исторический факультет.

MY TEACHERS AND MONGOLIA

© **E.I. Lishtovanny**

The article is devoted to V.V. Svinin and B.S. Sanzhiev, two famous Siberian scholars who got a great impact into development of the science and formatting the young researchers of Mongolia.

Keywords: V.V. Svinin, B.S. Sanzhiev, student practice, Mongolia, historical department

Эти наброски не могут претендовать на что-то цельное. Пускай они останутся зарисовками о моих учителях, открывших для меня Монголию, историей которой я занимаюсь вот уже много лет. Хронологическая последовательность требует и расстановки имен этих двух замечательных людей – Владимира Владимировича Свинина и Буянто Сайнцаковича Санжиева.

С В.В. Свининым мне пришлось столкнуться уже на первом курсе исторического факультета Иркутского университета, куда поступил после службы в армии в 1977 г. Он читал у нас курс «История древнего мира», увлеченно рассказывая о древних цивилизациях, завораживая нас, первокурсников, удивительными рассказами из истории Китая, Индии, государств и народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Эти рассказы он иллюстрировал археологическим материалом. К этому времени В.В. Свинин был уже состоявшимся исследователем. В 1952–1954 гг. он познакомился с известными сибирскими археологами П.П. Хороших, А.П. Окладниковым, М.М. Герасимовым, принял участие в археологических экспедициях и раскопках, а в 1970 г. в Новосибирске, под руководством академика А.П. Окладникова защитил кандидатскую диссертацию «Археология озера Байкал».

Именно от В.В. Свинина я узнал, что в соответствии с учебным планом после первого курса истории проходят археологическую практику, а также о том, что есть возможность поехать на такую практику в Монголию. Элементы археологических навыков были включены в план такой зарубежной практики, организатором и энтузиастом которой с 1975 года и был Владимир Вячеславович. Это были благословенные времена в том смысле, что студенческие обмены между Россией и Монголией осуществлялись на так называемой безвалютной основе. Весь механизм подобных обменов был отработан в недрах соответствующих министерств двух стран и регулировался договорными отношениями между российскими и монгольскими вузами. Подобный договор существовал между Иркутским государственным университетом и Монгольским государственным университетом.

И только гораздо позже я стал понимать, что зарубежная практика студентов-историков сильно отличалась от других ознакомительных зарубежных практик, как Иркутского университета, так и других вузов СССР. Обычно это были разовые практики студентов одного курса, ставившие чисто ознакомительные страноведческие

задачи. Практика же историков с самого начала была целевой, направленной на подготовку будущих монголоведческих кадров и предусматривала многократное посещение страны студентами и аспирантами, избравшими темой своей научной работы определенные проблемы древней и современной истории и культуры Монголии.

Историкам Иркутского университета необычайно повезло в Монголии. В это время там работала большая международная Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция Академии наук СССР и Академии наук МНР под руководством академика А.П. Окладникова с советской стороны и президента АН МНР академика Д. Ширендыба с монгольской стороны. Отряд практики ИГУ был включен в состав экспедиции на правах самостоятельного автономного историко-археологического отряда, проводившего полевые исследования на территории Монголии по своей программе и по своему маршруту на полном материальном обеспечении академической экспедиции. Это дало возможность студентам и будущим ученым неоднократно посетить страну, побывать в центральных, южных, восточных и западных аймаках, познакомиться со многими памятниками архитектуры и истории, известными во всем мире, принять непосредственное участие в их изучении. Это также дало возможность познакомиться со многими ведущими учеными, как нашей страны, так и других зарубежных стран – Англии, Германии, Польши, Болгарии, Франции, Финляндии, Китая, Японии, США и др., установить с ними творческие дружеские связи. Все это расширяло кругозор участников выездных практик.

В.В. Свинин считал своим долгом не только привести студентов на беседу в Посольство СССР в Монголии (в те времена это было обязательным), но и познакомить нас с выдающимися учёными Монголии. И вот в один из приездов в г. Улан-Батор он объявил, что мы идём на приём к академику Б. Ширендыбу. Было волнительно. До этого мы, конечно, узнали, что в трудные военные годы Б. Ширендыб обучался в Иркутском педагогическом институте, что он историк по специальности и надеялись, что,

как «иркутянин», он нас примет доброжелательно. Но идти на приём к самому Президенту Академии Наук Монголии – для всех это было впервые.

И всё-таки надежды нас не обманули. Б. Ширендыб принял нас очень просто и радушно. Стройный, красивый мужчина сразу расположил к общению своим прекрасным русским языком. Его интересовало многое: наши первые впечатления о Монголии, куда мы поедем на археологическую практику, выучили ли мы хотя бы несколько монгольских слов. Но особым предметом интереса, конечно, был для него город Иркутск – город его юности. Академик вспоминал суровые предвоенные годы, но в глазах его сверкали огоньки теплоты и радости. Он нам рассказывал о том, как заботились российские преподаватели о монгольских студентах, понимая, как трудно им вдали от родины. В те годы, несмотря на сложности с продуктами питания, жильём, прилагались большие усилия по обеспечению монгольских учащихся всем необходимым. Нередко монгольские ребята приезжали ослабленные, с различными заболеваниями, поэтому регулярно проводились медицинские осмотры, назначалось необходимое лечение.

Уже гораздо позже, когда я серьёзно занялся монголоведческими проблемами, приходилось встречаться с Б. Ширендыбом на различных симпозиумах и конференциях. Меня всегда поражала, с одной стороны, эрудиция Б. Ширендыба, с другой стороны, интерес, который маститый академик проявлял к докладам и новым данным по истории Монголии. Запомнился мне Международный конгресс монголоведов 1992 г. На нём я решил сделать доклад, в котором проанализировал издававшуюся в Монголии газету «Интернационалист» в качестве исторического источника по современной истории Монголии.

Кстати, это была единственная многотиражная газета, издававшаяся в среде советских специалистов за рубежом. Сейчас эта газета стала редчайшим и уникальным источником, повествующим о жизни советских людей в Монголии в 1980-х гг. К сожалению, её невозможно обнаружить в российских библиотеках, так как газета не

имела регистрационный индекса и на неё не проводилась подписка. Многие монгольские исследователи не знали о существовании этого издания. Помню, как после доклада, который вызвал живейший интерес у монгольских и зарубежных монголоведов, меня подозвал Б. Ширендыб и долго расспрашивал о газете. Конечно, я был страшно горд тем, что монгольский академик, для меня, молодого исследователя, почти что «небожитель», так запросто делился со мной своим мнением.

Запомнился мне Б. Ширендыб и очень весёлым человеком, с юмором воспринимающим некоторые ситуации. Вспоминается следующий случай. В.В. Свинин в наших путешествиях по просторам Монголии часто втолковывал нам, что внутри каждого народа имеются представители специфического этно-расового типа. Вот смотрите, говорил он, это, скорее всего, южанин из Гоби, а тот – житель западных аймаков страны. Но однажды нам довелось увидеть очень смуглого монгольского малыша с головой, просто усыпанной кудрявыми волосами. Здесь наш учитель призадумался и предложил: «А давайте спросим у академика». И вот на одной из встреч мы задаём Б. Ширендыбу вопрос «на засыпку». Он спрашивает: «А в каком аймаке вы встретили такой тип?»

– «Да не в аймаке, – отвечаем мы, – а здесь, прямо в центре Улан-Батора, недалеко от кубинского посольства».

– «Ну, тогда всё очень просто, заулыбался академик, это подарок дружественного народа Кубы дружественному народу Монголии!»

Благодаря В.В. Свинину в те времена я познакомился с известными монгольскими учёными – одним из основателей монгольской археологии Н. Сэр-Оджавом, его учениками Д. Цэвэндоржэм и Д. Навааном. Запомнились мне долгие посиделки у костра на раскопках всемирно удивительного Каракорума, во время которых сам Владимир Вячеславович, В.В. Волков (пасынок Б. Штрэндьба), А.П. Деревянко и многие другие рассказывали удивительные истории о своих путешествиях. Через несколько лет я уже сам в качестве помощника В.В. Свинина привозил студентов истфака

в Монголию. Но именно Владимир Вячеславович привил мне интерес к быту и жизни представителей этой кочевой цивилизации, обилию загадочных древних памятников Монголии, развалинам мертвых городов и храмов. Это и многое другое осталось в моей памяти, из которой я временами «достаю» те или иные сюжеты, связанные с моим первым учителем.

А вот профессора Буянто Сайнцаковича Санжиева (к моменту поступления на истфак я уже был членом партии) мне впервые довелось увидеть на партийных собраниях факультета. Но столкнуться вплотную с этим незаурядным человеком мне пришлось лишь тогда, когда у нас началась специализация. Специализация в те годы на истфаке была классической и традиционной. Студенты могли проявить себя в жанрах отечественной, всеобщей истории, археологии. Но совершенно особое место, в силу существовавшей идеологии в стране, принадлежало специализации «История КПСС». Это направление вначале 1980-х гг. превратилось в специальность, которая пользовалась в университетах Советского Союза завидной популярностью. Дело в том, что выпускников данной специальности принимали на работу в государственные, партийные, комсомольские структуры. Значительную часть профсоюзных активистов, работников МВД и КГБ в те годы также составляли выпускники, окончившие исторические факультеты по специальности «История КПСС». Не был исключением и наш исторический факультет ИГУ, на котором данную специальность курировал профессор Б.С. Санжиев, возглавляя кафедру «История КПСС и партийное строительство».

Б.С. Санжиев являлся в те годы признанным специалистом по вопросам национального строительства. Мы, студенты, узнали, что он окончил столичный вуз, что его и кандидатская, и докторская диссертации, защищённые в МГУ, были посвящены этой проблеме. А докторская диссертация «Исторический опыт КПСС по укреплению содружества и дальнейшему сближению наций в период строительства коммунизма (по материалам Сибири)» легла в основу книги Б.С. Санжиева, которая была необы-

чайно популярна среди партийных работников.

Преподаватели кафедры давали нам материал с особой скрупулёзностью и основательностью. В этом отношении безусловным лидером был заведующий кафедрой Б.С. Санжиев. Сказывался его колоссальный опыт практического партийного работника. Со временем мы узнали, что до преподавательской деятельности он прошёл настоящую школу жизни. Работал в Бурят-Монгольском государственном научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в партийных органах, заведывая отделом печати, затем отделом школ и науки. Занимал важнейшую в те времена должность ответственного редактора газеты «Бурят-Монгольская правда» на бурятском языке. Впоследствии, после краткосрочной службы в качестве инструктора-политрука Политуправления 17 Армии, в трудные военные годы работал секретарем по пропаганде Бурят-Монгольского обкома партии.

Уже с третьего курса, специализируясь, студент постепенно подходил к теме своей будущей дипломной работы. Что касается меня, то приходилось мучительно размышлять, как моё, в какой-то степени случайное увлечение Монголией, связать с партийной тематикой. Эти «монгольские» сомнения и помог мне развеять Б.С. Санжиев. В начале моего четвёртого курса он поинтересовался темой будущей дипломной работы и предложил в итоге заняться анализом деятельности КПСС и МНРП по подготовке кадров для Монголии на материалах Восточной Сибири. Более того, он стал моим научным руководителем. Надо сказать, что я был чрезвычайно горд этим. Однокурсники поглядывали на меня с завистью. Дело в том, что этот известный профессор, в силу большой занятости, весьма избирательно брался за руководство студенческими научными работами. Являясь в течение многих лет председателем специализированного Совета по защите докторских диссертаций по историческим наукам, он готовил к защитам будущих кандидатов и докторов наук. Б.С. Санжиев продолжил опеку над мной и после окончания исторического фа-

культета ИГУ, предложив мне остаться на возглавляемой им кафедре.

Так, с лёгкой руки Буянто Сайнцаковича, началась моя деятельность на историческом факультете Иркутского государственного университета. В те годы, прежде чем поступить в аспирантуру, полагалась не менее двух лет отработать ассистентом на кафедре. Это была настоящая школа профессора Санжиева. Он интересовался планами занятий, которые мы, молодые преподаватели, составляли, посещал наши занятия. В 1984 г. я поступил в аспирантуру и вновь моим научным руководителем стал Б.С. Санжиев. В те годы в аспирантуре на историческом факультете обучалось много молодых людей из Бурятии, которые впоследствии стали моими добрыми друзьями: В.Ц. Ганжуров, Б.В. Базаров, В.Д. Дугаров, Л.Б. Жабаева, Ю.П. Шагдуров, О.Д. Базаров и другие. Среди нас, аспирантов, профессор Санжиев получил негласное прозвище «железный Буянто».

Отметая в сторону все наши разговоры о том, что вот-вот мы закончим ту или иную часть будущей диссертации, он непреклонно и строго спрашивал: «Когда предоставите тэкст?» Именно так, с акцентом на «э», он произносил это слово. Такой подход заставлял собираться, прививал навыки самодисциплины. Кстати, не делал Б.С. Санжиев скидок и монгольским студентам, обучавшимся на факультете. Одно из них, О. Батсайхана, он взял также «под своё крыло», приобщал его к научным исследованиям. Помнится, даже взял его с собой на одну из конференций по востоковедению, проходившую в Казанском университете. Выбор профессора оказался безошибочным. Ныне О. Батсайхан, мой друг и коллега, является известным учёным не только у себя в стране, но и далеко за её пределами, став в 2011 г. лауреатом Государственной премии Монголии за цикл трудов по истории Монголии периода Автономии.

Все труды Б.С. Санжиева отличаются глубиной проникновения в тему, скрупулёзностью в использовании архивных материалов, основательностью в выводах. Будь то сугубо научные пятитомная «История Сибири», «История рабочего класса

Сибири» или в какой-то мере научно-популярные работы «Ярослав Гашек – интернационалист» и «Ярослав Гашек в Восточной Сибири» – везде прослеживается «высший пилотаж» профессора Санжиева. А когда я уже профессионально начал заниматься монголоведными проблемами, то настоящим открытием для меня явилась небольшая по объёму работа моего научного руководителя «Доржи Банзаров».

Дело в том, что в большинстве работ, посвящённых жизни и научному творчеству этого известного бурятского учёного, прослеживалась мысль о том, что в иркутский период Д. Банзаров отошёл от научных занятий. Но именно у Б.С. Санжиева можно отметить несколько весомых положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления.

Таким образом, профессор Б.С. Санжиев предстал передо мною и как скрупулёзный исследователь проблем, связанных с монголоведением. Приближалась защита моей докторской диссертации. В значительной степени научное направление, когда-то заданное мне Буянто Сайнцаковичем, было использовано и при подготовке этого труда. Тему я обозначил следующим образом – «Сибирь и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений». По партийной специальности защиты уже не проводились, и я готовил диссертацию по специальности «Отечественная история». К тому времени Б.С. Санжиев уже вышел на пенсию и работал профессором-консультантом на кафедре отечественной истории и политологии ИГУ. Мне при-

шлось попросить выступить в качестве научного консультанта моего докторского труда доктора исторических наук, профессора В.Т. Агалакова. В какой-то степени было неловко перед моим бывшим научным руководителем, и я с волнением ожидал его мнения. И вот на защите Б.С. Санжиев задал мне два-три очень серьёзных вопроса, затем с улыбкой заметил о моём переходе к другому научному консультанту, в целом дав очень высокую оценку моей докторской диссертации. А я ещё раз убедился в доброте и человечности Буянто Сайнцаковича.

Приходилось общаться с профессором Санжиевым и в неформальной обстановке. Он охотно принимал участие в наших кафедральных посиделках и праздничных вечерах, шутил, рассказывал удивительно интересные истории. Когда же у нас появлялся по его оценке перебор в количестве выставленного на стол, он озабоченно констатировал – «боюсь, не освоим». Но всё благополучно «осваивалось», а сам шеф, выпив две-три рюмки коньяка, раскланивался и оставлял коллектив веселиться дальше. Таким большим учёным и большим человеком я и запомнил своего научного руководителя – профессора Б.С. Санжиева.

Это то, немногое, что можно рассказать об этих замечательных людях. И В.В. Свинин, и Б.С. Санжиев оставили яркий след в сибирской науке, их ученики в меру своих сил стараются продолжать их дело и быть достойными памяти своих наставников.

Статья поступила 08.04.2016 г.

Сведения об авторе

Лиштованный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор, советник Посольства Российской Федерации в Монголии, Монголия, г. Улан-Батор, проспект Мира, 6, тел.: 89149363333, e-mail: evgeniilishtovannyi@mail.ru

Lishtovanny Eugene Ivanovich, Doctor of Historical Science, professor, Counselor of the Embassy of the Russian Federation in Mongolia, Prospekt Mira, 6, Ulan-Bator, Mongolia, tel.: 89149363333, e-mail: evgeniilishtovannyi@mail.ru